

дождь и гроза, почему они и не смогли вернуться в тот же день. Она трещала без умолку, пока наконец не стало совсем поздно, и муж, видя, что она и не думает собирать на стол, весьма удивился. «Постой, – воскликнул он. – Ты мне совсем голову заморочила своей болтовней. А ужинать-то мы что, не будем?» – «Как ужинать? – говорит жена. – Уж не бредишь ли ты? Да ведь мы уже ужинали!» – «Уже ужинали? Когда же это?» – «Новое дело! Ты что, хочешь еще раз поужинать?» – «Тебя послушать, получается, что так, но мне кажется, я еще и одного раза не ужинал». – «Ну, так спроси у сына». А мальчугана она накормила загодя, еще до прихода мужа, так что он подтвердил ее слова и сказал, что ужин и правда уже был. «И все же, – говорит муж, – не знаю почему, но мне страсть как хочется есть, и не верится, что мы уже ужинали». – «Ты просто забыл», – говорит жена. И снова принялась ему зубы заговаривать, так что бедняга поверил ей и в конце концов пошел спать без ужина, а женушка таким образом выгадала денежки в возмещение тех, что растранижирила в кабаке.

А вот что сделали другие кумушки. Та, что купила в Меце краски, развела их и натерла ими себе ладони, а когда вечером пришел муж, встретила его, заговорила как ни в чем не бывало, но вдруг умолкла, тревожно глядя ему в лицо и притворившись удивленной и испуганной, а затем шагнула к нему и заботливо спросила: «Ой, муженек, здоровы ли вы, у вас все лицо в пятнах и вид совсем больной!» Тут она подошла еще ближе, провела руками по его лицу и шее, и красками, которыми были натерты ее ладони, так размалевала ему рот, нос и все остальное, что он стал похож на прокаженного. Муж был под хмельком и потому не почувствовал, что с ним сделали, а жена заголосила, запричитала, скривилась так, что смотреть страшно, и окончательно уверила его, что он болен и что ему осталось недолго жить. Тут же она постелила ему поближе к очагу, раздела его догола и, натирая его разогретыми у огня ладонями, разукрасила всего, с ног до головы. Бедный муж, увидев, на кого он похож, решил с пьяных глаз, что дело его совсем худо, и по совету жены призвал священника и наспех исповедался. После этого жена позвала соседей и соседок, а те при виде его подумали, что он при смерти, и стали спрашивать, что у него болит. Простофиля муж, все еще плохо соображая, отвечал, что болит все. Наслушавшись притворных охов и вздохов жены больного, все разошлись, с нею же осталась только одна соседка; дождавшись ночи, жена дала мужу какого-то снадобья, от которого он, и без того одурманенный, заснул так крепко, что не почувствовал бы, даже если б его сожгли живьем прямо на кровати. Тогда жена, только этого и дожидавшаяся, взяла простыни и куски полотна и вместе с соседкой завернула в них мужа и зашила, как мертвого, в саван. А когда рассвело, позвала священника и церковного старосту, велела принести гроб, в который положили зашитого в саван мужа, и выставила гроб на козлах посреди дома. В тот же час принялись, как положено по обряду, звонить в колокола, и новость о том, что кто-то умер, разнеслась по всему селению и всех взбудоражила.

Когда эта весть дошла до немки, жены Ганса, и она узнала, что новопреставленный давешний собутыльник ее мужа, она побежала в дом и нашла мужа еще спящим – накануне он явился в стельку пьяным и даже не спросил жену, что она делала в Меце, да и теперь еще не совсем протрезвел. Жена стала тормошить его, крича: «Эй, Ганс, Ганс! Будет тебе валяться! Пошел бы посмотрел, как хоронят твоего приятеля, с которым ты вчера напился!» – «Как так хоронят? – говорит Ганс. – Разве он умер?» – «То-то и оно, что умер», – говорит жена. «Кто же его убил?» – «О святой Иоанн! – воскликнула жена. – Он умер в собственной постели, и если ты хочешь поглядеть на него в последний раз, поторопись!» Ганс вылез из кровати и давай искать одежду, но женушка ее заранее припрятала, а теперь все торопила, чтобы он шел поскорее. «Иначе, – говорит, – опоздаешь». – «Что за черт, – говорит Ганс, – никак не найду одежду». – «Одежду? – говорит она. – Господи, смилуйся над этим олухом! Да разве ты, дурень, не одет?» – «А разве одет?» – спрашивает муж. «Ясно, одет», – говорит она. «А по-моему, я, черт подери, голый». – «Одетый, тебе говорят! И если идешь, так пошевеливайся!» Она так настаивала и теребила его, что в конце концов он поверил ей, выскочил за порог и, жмурясь спросонья и прикрывая срамные места рукой, так и побежал нагишом. Он поспешал вовсю и успел в церковь, когда гроб с его приятелем уже собирались опускать в землю.

На похороны собралось много народу, мужчин и женщин, и при виде голого Ганса одни принялись смеяться, другие – издеваться над ним, женщины закрывали лицо и отворачивались. Кюре же, увидев его в таком виде, притворился разгневанным и строго сказал ему, что он оскорбляет самого Господа. Бедняга Ганс растерялся и не знал, что ответить, но видя, что все стыдят и ругают его, он сослался на жену и поклялся, что считал себя одетым и что его убедила в этом же-